

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАПЕ СОЦИОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-68-80

УДК 316.35/34

Региональная идентичность в структуре коллективных идентичностей студенческой молодежи Республики Мордовия

Наталья Викторовна Шумкова¹, Олег Евгеньевич Зубов²

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, РФ)
ORCID: 0000-0002-2330-0028, WoS ResearcherID: AAM-1340-2020
niiregion@mail.ru

² кандидат философских наук, заместитель начальника управления научных исследований, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, РФ)
ORCID: 0000-0002-5255-3753
zubovo@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования является структура коллективных идентичностей современной студенческой молодежи. Предмет научного интереса авторов статьи — роль региональной идентичности в структуре коллективных идентичностей молодежи Республики Мордовия. Подробно рассматривается специфика региональной идентичности как формы коллективной идентификации, ее подвижность, контекстуальность, неоднородность, латентность, производность и коллективный генезис. Обосновывается приоритетность целенаправленного конструирования позитивной региональной идентичности как эффективного инструмента сохранения и развития человеческого капитала на уровне региона. Авторы опираются на методологические подходы, представленные в работах В. А. Тишкова, В. А. Ядова, М. П. Крылова. Эмпирическую базу исследования составляют данные массового опроса студенческой молодежи Республики Мордовия (2020 г., анкетирование, квотная выборка, n = 414). На основе собранного эмпирического материала комплексно проанализирована региональная составляющая коллективной идентичности студентов. Согласно полученным данным, идентификация с региональным сообществом относится к идентичностям медианного уровня. Позитивная региональная идентичность актуализирована лишь у трети (32%) опрошенных студентов, большинство же молодежи Мордовии идентифицирует себя с регионом лишь номинально. Выраженная эмотивная компонента региональной идентичности преимущественно характерна для представителей титульной (мордовской) национальности. Подчеркивается, что в данном случае слияние этнической и региональной идентичностей не несет в себе конфликтогенного потенциала, поскольку большинством опрошенных Мордовия воспринимается в качестве полноправного субъекта Российской Федерации. Делается вывод о необходимости диверсификации «имиджевых проектов» по конструированию позитивного образа республики в молодежной среде.

Ключевые слова: региональная идентичность, коллективная идентичность, студенчество, территориальные общности.

Цитирование: Шумкова Н. В. Региональная идентичность в структуре коллективных идентичностей студенческой молодежи Республики Мордовия / Н. В. Шумкова, О. Е. Зубов // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 1 (15). С. 68-80.

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-68-80

Введение

В рамках междисциплинарного дискурса структура социальной идентичности индивида определяется как многоуровневая и неоднородная по своему составу — выделяют центральные (традиционные, базовые, кросс-ситуативные) и периферические (ситуативные, модульные) идентичности, являющиеся «регуляторами поведения лишь в отдельных ситуациях и в связи с ситуационно-ограниченной проблематикой» [16, с. 37]. Последние, несмотря на свой дискретный и неустойчивый характер, при определенных условиях способны выступать в качестве «доминирующих» и активно влиять на жизненные стратегии индивидов.

Например, к «периферийной» многие отечественные исследователи относят региональную идентичность [12, 13, 20]. Однако опросы общественного мнения в середине 1990-х гг. показывали актуализацию региональной идентичности в структуре идентификационных предпочтений россиян [5], что, по мнению некоторых авторов, было обусловлено ее компенсаторной природой [19].

На протяжении последних 10 лет отмечается заметное снижение значимости региональной идентичности в идентификационной матрице населения Российской Федерации [7]. Тем не менее она по-прежнему активно исследуется отечественными социологами, политологами, психологами, географами с позиций содержательных [6, 8, 9] и факторных [3, 13] трендов. В частности, Л. В. Смирнягин, указывает что она «обладает одним очень важным и глубоко положительным свойством... способностью объединять людей разных рас, профессий, состояний, уровней образования, ломать или снижать барьеры между этими группами» [20, с. 36].

Исследователи часто акцентируют внимание на следующих специфических характеристиках региональной идентичности:

- *коллективный генезис*: «Групповое (коллективное) начало региональной идентификации, в противоположность некоторым другим социально-психологическим механизмам идентификации, например, гендерным, профессиональным и т. д., переводит „Мы“ в „Я“» [15, с. 236];
- *латентность*: «Региональная идентичность в той или иной форме, присуща всем жителям изучаемых территорий, однако достаточно четкое, отрефлексированное самосознание характерно лишь определенной части жителей этих территорий, возможно, меньшинству» [12, с. 21];
- *подвижность*: «Региональную идентичность можно сменить. Это роднит ее с профессиональной идентичностью или имущественной, но резко отличает от этнической и расовой» [20, с. 35];
- *контекстуальность*: «Региональная идентичность может усиливаться (иметь статус „артикулированной региональной идентичности“) и ослабляться („исчезающая региональная идентичность“)» [4, с. 46];
- *неоднородность*: «Степень самоидентификации разных индивидов с территорией различна (она может быть описана в терминах патриотизма, любви, комплекса неполноценности), как различны и сами территории, с которыми идентифицирует себя каждый из индивидов» [12, с. 15];
- *производность*: «Идентификации могут возникать как в результате естественного приспособления человека к местности, так и вследствие применения специальных технологий» [1, с. 17].

Указанные особенности актуализируют обсуждение возможностей и последствий использования региональной идентичности в качестве ин-

струмента политической мобилизации, накопления человеческого капитала, повышения конкурентоспособности региона [3, 17, 18]. Поддержание идентичности (видение региона изнутри, с точки зрения его жителей) и имиджа региона (восприятие извне, с точки зрения потенциальных инвесторов) становится приоритетным направлением региональной политики. Причем сформированная позитивная региональная идентичность рассматривается как основа для разработки концепции бренда территории [2].

Большинство авторов сходятся на том, что территориальная близость является «необходимым, но недостаточным условием для формирования региональной общности» [14, с. 68]. Так, финский исследователь А. Пааси выделяет четыре слагаемых процесса институционализации региональной идентичности: определение границ региона, символическое оформление пространства региона (официальное название и прочие маркеры), появление институтов, признание региона на макроуровне, укоренение в общем социокультурном пространстве страны [24, 25].

Таким образом, идентификация с такой символически-абстрактной категорией, как «региональная общность», институционально обусловлена. На это, в частности, указывает В. А. Тишков, предложивший понятие «дрейфа идентичности», т. е. «путешествия индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем» [21, с. 123].

К значимым акторам формирования региональной идентичности можно отнести «лидеров мнений», «которые выявляют уникальные исторические события, особенности форм поведения, ценности людей, населяющих данную территорию, позиционируют все эти культурные артефакты в публичном пространстве как символическую основу коллективных представлений „МЫ-идентичности“» [14, с. 68].

Вузы представляют собой важнейший социальный институт в процессе развития подобной идентичности как источник создания и воспроизводства символов, маркеров, мифов, консолидирующих региональное сообщество. Поэтому

студенчество можно рассматривать как меньшинство, имеющее более четкую и осознанную, в сравнении с другими категориями населения региона, региональную идентичность.

Региональная идентичность подразумевает отождествление индивида с определенной общностью, локализованной в границах конкретного региона. В данной трактовке присутствует смешение понятий, поскольку дефиниция региона достаточно многозначна (см., например, Азиатско-Тихоокеанский регион, Дальневосточный регион и т. п.). Поэтому в рамках нашего исследования под регионом мы понимаем субъект Российской Федерации, а под региональной идентичностью — самоидентификацию индивида с административно-территориальной единицей своего проживания.

Цель статьи — обозначить роль региональной идентичности в структуре коллективных идентичностей молодежи Республики Мордовия.

В рамках поставленной цели нас интересовали ответы на вопросы: какое место в структуре социальных идентичностей молодежи Республики Мордовия отведено региональной идентичности; какие факторы влияют на региональную идентификацию молодежи; каковы проблемы и перспективы формирования региональной идентичности в республике в ближайшем будущем?

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Данные получены в ходе межрегионального социологического опроса студенческой молодежи 1-2 курсов очной формы обучения ($n = 1\ 247$), проведенного в октябре 2020 г. в трех субъектах ПФО РФ: Мордовии, Татарстане и Чувашии. Котируемые признаки — пол и направление подготовки. В статье использовалась подвыборка студентов, проживавших до поступления в вуз на территории Мордовии ($n = 414$).

Для изучения структуры социальной идентичности студентов использовался модифицированный вариант методики, впервые предложенный в работах В. А. Ядова и его коллег [5, 22, 23]. В процессе анализа эмпирических данных применялись таблицы сопряженности. Математическая обработка полученных данных проведена с по-

мощью стандартного пакета прикладных программ SPSS 21.0 для Windows. Для построения содержательных выводов использовались только те данные, для которых тесты статистической значимости дали результаты не ниже 0,05.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Становление социальной идентичности происходит постепенно. Вначале осуществляется социальная категоризация, затем индивид постепенно ориентирует себя в построенной системе координат, выбирая для себя наиболее значимые солидарности, формируя чувство тождественности с ними. Процесс носит длительный характер. Если солидарности с первичными общно-

стями (семья, друзья, коллеги) формируются достаточно быстро, то соотнесение индивида с такими размытыми в границах категориями, как «жители Поволжья», например, может вовсе не произойти. Во многом такое соотнесение требует достаточно высокого уровня саморефлексии.

Анализ свидетельствует, что наибольшей интенсивностью (90% — см. таблицу 1) у опрошенной студенческой молодежи обладает идентификация с достаточно абстрактной, на первый взгляд, категорией «людей, разделяющих мои взгляды на жизнь». Абстрактность данной категории относительна и объясняется смещением фокуса с категории «Мы» на категорию «Я» — в данном случае происходит дифференциация

Таблица 1. Ранжированная структура коллективных идентичностей студенческой молодежи Республики Мордовия

Table 1. The ranked structure of collective identities of students of the Republic of Mordovia

Группа населения	Очень сильно	Довольно сильно	Не очень сильно	Совершенно не чувствую	Затрудняюсь ответить
С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь	48	42	7	1	2
С людьми, разговаривающими на русском языке	24	37	20	11	9
С людьми своего поколения	19	44	27	8	3
С товарищами по работе, учебе	16	42	32	6	4
С людьми моей профессии, рода занятий	19	38	28	9	6
С россиянами	17	35	26	12	10
С людьми, придерживающимися тех же обычаев и традиций	17	35	26	13	9
С людьми моей национальности	19	32	29	13	7
С людьми, живущими со мной в одном городе/селе	18	24	36	16	6
С людьми моей религии	15	22	29	19	16
С людьми того же материального достатка	13	25	27	20	15
С жителями Мордовии	11	21	35	23	10
С жителями Поволжья	9	19	31	26	16
С украинцами и белорусами	10	18	24	31	18
С жителями постсоветского пространства	9	15	31	26	19
С европейцами	10	17	26	31	16
С азиатами	9	11	24	39	17

Примечание: Цветом в таблице обозначены коллективные идентичности медианного уровня.

Note: The collective identities of the median level are shown in color.

окружающих на «своих» и «чужих» исходя из личностных особенностей индивида (в «других» ищет «себя»).

При анализе лидирующих позиций в ранжированном списке коллективных идентичностей (таблица 1) прослеживается явный приоритет личностной идентификации — с группами повседневного межличностного и межгруппового общения и др. По мнению некоторых исследователей, превалирование микросоциальных связей в ущерб идентификациям социетального уровня указывает на недостаточный уровень доверия к основным социальным институтам [11].

Социетальные идентичности образуют второй по значимости ряд идентификаций, куда входят общегражданская, культурная, этническая, локальная, экономическая, религиозная и региональная идентичности. Как видно из таблицы 1, идентификация с региональным сообществом не выходит на приоритетные места, заметно уступая общегражданской и локальной идентичностям, но все же относится к идентичностям медианного уровня.

Наименее распространенные идентификации представляют собой абстрактно-символические макро- и субрегиональные категории «жителей Поволжья», «жителей постсоветского пространства», «европейцев», «азиатов». Более четверти опрошенных студентов демонстрируют в их отношении отрицательную идентичность. Кроме того, для 15% респондентов данные солидарности неотрефлексированы, они затрудняются со своей идентификацией.

Таким образом, на верхнем уровне структуры коллективных идентичностей у опрошенных студентов расположены социально-статусные идентичности, в то время как большинство идентичностей по признаку территориально-поселенческой принадлежности сгруппированы в нижней части ранжированного списка.

Подобного рода структура отсылает нас к диспозиционной концепции В. А. Ядова, согласно которой «идентификация с ближайшим окружением активизирует ситуативные установки и определяет поведение человека в условиях взаимодействия между „контактными группами“;

идентификация на уровне обобщенных социальных установок активизирует кросс-ситуативные факторы, а также установки, относящиеся к типичным социальным ситуациям и типизированным позитивно — негативным объектам... идентификация с общностями на уровне высших диспозиций личности, т. е. системы ценностей, идеалов, смысла жизни, предполагает определенную стратегию поведения» [22, с. 44].

В каком же случае происходит актуализация региональной идентичности? Анализ данных показал, что предиктором чувства тождественности с жителями Мордовии является этническая принадлежность респондента. Так, представители титульной национальности обладают более высоким уровнем самоотождествления с региональным сообществом (37 против 20% в среднем по массиву). Русские, напротив, не склонны соотносить себя с жителями Мордовии (48 против 71% в среднем).

С другой стороны, нельзя говорить о том, что позитивная региональная идентичность полностью тождественна этнической (мордовской) идентичности и предполагает гиперболизацию последней. Так, на вопрос «к какой государственности вы себя относите в первую очередь?» респонденты отвечали «считаю себя в равной степени гражданином России и Республики Мордовия» (49% против 34% в среднем по массиву), что свидетельствует о том, что в настоящее время идентификация с региональным сообществом не несет в себе конфликтогенного потенциала, поскольку регион воспринимается как полноправный субъект Российской Федерации.

Что же объединяет студентов с жителями Мордовии? В первую очередь общая территория — так ответили 67%, семья и родственники — 29 и 28% соответственно, общие проблемы — 23% студентов. Судя по преобладающим критериям, региональная идентичность у большинства студентов носит преимущественно номинальный характер. Исторические, культурные основания региональной идентичности существуют, но не являются доминирующими. Действительно, анализ неформализованных ответов на вопрос «с какими образами, культурными символами ассо-

цируется у вас Мордовия?» рисует достаточно однобокую картину — у большинства опрошенных студентов Мордовия отождествляется со своей государственной символикой (46% ответов), с национальными узорами, фольклором, мордовским языком, национальной одеждой и едой (30%), а также с образом известного скульптора С. Эрзи (8%). Остальные образы (каждый из которых набрал менее 3%) — это описание природных особенностей региона («пшеничные поля», «река Сура», «леса»), а также некоторые исторические персоналии (Ф. Ф. Ушаков, Н. П. Огарев, Е. Пугачев). Примечательно, что достижения республики конца XX — начала XXI в. (преимущественно спортивные) вспомнили немногие (2%).

Тем не менее ответы респондентов с высоким уровнем региональной идентичности (т. е., согласно М. П. Крылову, обладающих «чувством местного патриотизма» [12]) статистически значимо отличаются от ответов большинства. Так, среди данной категории более значимы факторы семьи (38 против 29% в среднем по массиву), традиций (27 против 15%), общих праздников (22 против 14%) (см. таблицу 2).

Значимая роль региональной символической политики памяти подтверждается ответами респондентов на вопрос про источники их знаний об истории Мордовии. Так, студенты с высоким уровнем региональной идентичности чаще получают более диверсифицированную и эмоционально окрашенную информацию об истории региона — это и воспоминания членов семьи (38 против 27%), теле- и радиопередачи (35 против 20%), художественные фильмы (19 против 10%). Таким образом, данные опроса демонстрируют нам важность коммеморативных практик как на официальном уровне, так и на уровне «живой» коммуникативной памяти.

При ответе на вопрос «назовите основные причины гордости за Мордовию» респонденты с позитивной региональной идентичностью проявляют более сформированную позицию относительно своих знаний о достижениях и культурных традициях региона, находят больше поводов для гордости за нее. В частности, их отличает меньший процент затруднившихся с ответом (16 против 23%), а также большее количество сделанных выборов: 2-3 выбора против 1-2 (см. таблицу 2).

Таблица 2. Соотношение ответов респондентов с позитивной и негативной региональной идентичностью, в %
Table 2. The ratio of responses from respondents with positive and negative regional identity (%)

Вариант ответа	Негативная региональная идентичность	Позитивная региональная идентичность	Вся выборка
1	2	3	4
<i>Гордитесь ли вы тем, что проживаете в Мордовии? (закрытый вопрос, один ответ)</i>			
Определенно да	20	47	23
Скорее да	32	31	32
Скорее нет	21	13	20
Определенно нет	12	2	11
Затрудняюсь ответить	15	7	14
Итого	100	100	100
<i>Назовите основные причины гордости за Мордовию (полузакрытый вопрос, любое число ответов)</i>			
Политическое влияние Мордовия на уровне страны	7	22	9
Экономические достижения Мордовия	7	18	8
Высокий уровень социальной защищенности населения	5	16	6
Научные и технологические достижения региона	10	24	12
Спортивные достижения Мордовия	51	53	52

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

1	2	3	4
Достижения в области литературы и искусства	13	29	15
Сохранение культурных традиций коренного населения	37	51	39
Многонациональность Мордовия	29	47	31
Другое	4	—	4
Затрудняюсь ответить	23	16	22
Итого	186	296	198
<i>Где территориально вы хотели бы жить? (полузакрытый вопрос, один ответ)</i>			
Там, где живу сейчас	21	21	21
В Москве	18	26	19
В Санкт-Петербурге	21	14	20
В другом городе (населенном пункте) РФ	7	12	7
В другой стране	20	16	19
Затрудняюсь ответить	14	11	14
Итого	100	100	100
<i>Из каких источников вы узнаете об истории Мордовии? (полузакрытый вопрос, любое число ответов)</i>			
Уроки истории в школе (в вузе, колледже)	63	65	63
Художественные фильмы	10	19	11
Воспоминания членов моей семьи	55	65	56
Интернет	51	42	50
Музейные экспозиции	52	54	52
Телевизионные передачи, радиопередачи	20	35	21
Художественная литература	16	21	17
Памятники, монументы, мемориальные таблички	52	47	52
Общественные мероприятия	40	44	41
Научная литература	20	37	22
Итого	379	429	385
<i>Что из перечисленного в первую очередь объединяет вас с жителями Мордовии? (полузакрытый вопрос, любое число ответов)</i>			
Территория	69	56	67
Общие проблемы	23	27	23
Семья	27	38	29
Родственники	28	22	28
Общие предки	16	18	16
Общие праздники	13	22	14
Традиции	14	27	15
Мордовский язык	12	9	12
Любовь к родной земле	14	22	15
Культура	12	7	11
Менталитет	9	4	8
Государственность Республики Мордовия	13	7	13
Общая история	7	7	7
Итого	257	266	258

Примечание: Полу жирным шрифтом в таблице выделены статистически значимые различия.

Note: Statistically significant differences are shown in bold.

Еще одним свойством позитивной региональной идентичности наряду с патриотизмом является так называемая укорененность, которая «указывает на вписанность в местный контекст» [12, с. 70]. Согласно полученным данным, укорененность не свойственна студенческой молодежи Мордовии — лишь 21% студентов демонстрируют желание остаться жить в Мордовии. На их ответы никак не влияет наличие или отсутствие чувства тождественности с региональным сообществом, что говорит о рассогласованном характере региональной идентичности студенческой молодежи Мордовии.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональную идентичность, по мнению М. П. Крылова, можно рассматривать как «внутренний (с точки зрения самих местных жителей) и обычно «нераскрученный» имидж территории» [12, с. 71]. При определенных целенаправленных усилиях со стороны региональных органов власти она может использоваться в качестве ресурса для сохранения и накопления человеческого капитала в регионе.

Так, выделяя в идентификационной структуре региональной идентичности культурный и стратегический уровень, М. В. Назукина относит Республику Мордовия к регионам, характеризующимся «региональной идентичностью с сильным культурным ядром при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении» [18, с. 20]. Данные нашего исследования согласуются с выводами М. В. Назукиной. В настоящее время можно говорить лишь о резонансных «имиджевых проектах» Мордовии последнего десятилетия. Это проект «Тысячелетие единения мордовского народа с народами Российского государства» (2012 г.) как результат позиционирования республики в качестве одного из форпостов финно-угорского мира, исторического и культурного центра консолидации российских и зарубежных мордовских диаспор, а также завоевание права на проведение ряда матчей Чемпионата мира по футболу (2018 г.) в рамках формирования имиджа «спортивной республики». Судя по данным нашего исследования, социальный эффект от этих проектов внутри региона незначителен.

Региональная идентичность большинства студенческой молодежи Мордовии в настоящее вре-

мя характеризуется, скорее, как номинальная, описывающая территориальную принадлежность к определенному субъекту Российской Федерации. Выраженная эмотивная компонента региональной идентичности свойственна преимущественно представителям мордовской — титульной для республики — национальности, но и она характеризуется рассогласованностью с поведенческой компонентой.

Рассматривая региональную идентичность студенческой молодежи Мордовии с позиции социальной установки, можно выделить три группы факторов, способных оказать влияние на ее формирование и изменение: источники информации, содержание и порядок поступления информации, а также особенности аудитории.

Содержание и порядок поступления позитивной информации о регионе опосредованы системой образования, что не предполагает коренных преобразований в данном направлении. Что же касается источников информации, то здесь важна в первую очередь их диверсификация — чем более разнообразны каналы поступления информации, тем более насыщенным является внутренний набор образов, символов, связанных в массовом сознании с регионом. Особенности же аудитории (ее возраст, национально-смешанный состав) требуют некоторого смещения акцентов с традиционного для национальной республики этнонационального содержания на более разнообразный культурный контент.

Дальнейшее расширение исследовательского фокуса видится в оценке перспектив экстраполяции сделанных выводов на другие возрастные, социальные и региональные категории населения. Практическая значимость материалов исследования состоит в возможности использования его результатов в практике социального управления в рамках реализации сбалансированной национально-культурной политики на уровне региона.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-31319 опн «Историческая память и идентичность: особенности формирования исторических нарративов в молодежной среде в национальных республиках Приволжского федерального округа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалмасова Н. Е. Опора на символы в формировании региональной идентичности / Н. Е. Абалмасова, Э. А. Паин // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 6. С. 17-29.
2. Визгалов Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов; предисл. Л. В. Смирнягина. М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2011. 160 с.
3. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности / В. Я. Гельман // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том 6. № 2. С. 91-105.
4. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42-50.
5. Данилова Е. Н. Проблема социальной идентификации населения постсоветской России / Е. Н. Данилова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 12-19.
6. Денисова Г. С. Особенности региональной идентичности населения Юга России / Г. С. Денисова, Л. В. Клименко // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25-34.
7. Дробижеева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика / Л. М. Дробижеева // Россия и мир: анатомия современных процессов / под ред. Е. А. Нарочницкой. М., 2014. С. 130-146.
8. Еремина Е. В. Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации / Е. В. Еремина // Регионология. 2012. № 2 (79). С. 149-155;
9. Зелетдинова Э. А. Региональная идентичность в фокусе социологического анализа / Э. А. Зелетдинова, В. В. Дьякова, М. Н. Руденко, Е. В. Гайнутдинова // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 14-22.
10. Казакова Г. М. Формирование региональной идентичности как драйвера экономического развития региона и города / Г. М. Казакова, А. Ю. Рязанова // Урбанистика. 2017. № 3. С. 1-10.
11. Климова С. Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» / С. Г. Климова // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13-22.
12. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
13. Кувенева Т. Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т. Н. Кувенева, А. Г. Манаков // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77-84.
14. Лубянов А. В. Региональная общность как объект социологического анализа / А. В. Лубянов // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. № 1 (33). С. 60-69.
15. Маркин В. В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов / В. В. Маркин // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2008. № 7. С. 229-249.
16. Микляева А. В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности / А. В. Микляева, П. В. Румянцева // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 5. С. 36-45.
17. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды / М. В. Назукина // Антиномии. 2014. № 3. С. 137-150.
18. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореферат дис. ... кандидата полит. наук: 23.00.02 / М. В. Назукина. Пермь, 2009. 26 с.
19. Нечаев В. Д. Региональный миф как фактор становления российского федерализма / В. Д. Нечаев // Развитие политической науки в российских университетах: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Самара, 1999. С. 177-179.
20. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. № 17. Меняющаяся география зарубежного мира. М., 2007. С. 21-49.

21. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. М.: Наука, 2003. 544 с.
22. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35-52.
23. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. 1993. № 3-4. С. 167-174.
24. Paasi A. Deconstructing Regions: Notes on the Scales of Spatial Life / A. Paasi // Environment and Planning A. 1991. Vol. 23. No. 2. Pp. 239-256. DOI: 10.1068/a230239
25. Paasi A. The Institutionalization of Regions: a Theoretical Framework for the Understanding of the Emergence of Regions and the Constitutions of Regional Identity / A. Paasi // Fennia. International Journal of Geography 1986. No. 164. Pp. 105-146. DOI: 10.11143/9052

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-68-80

UDC 316.35/34

The role of regional identity in the structure of collective identities of the student youth of the Republic of Mordovia

Natalya V. Shumkova¹, Oleg E. Zubov²

¹ Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Department of Sociology, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-2330-0028; WoS ResearcherID: AAM-1340-2020
niiregion@mail.ru

² Cand. Sci. (Phylos.), Deputy Head of the Department of Scientific Research, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-5255-3753
zubovo@mail.ru

Abstract. This article studies the structure of collective identities of modern student youth. The subject of the authors' scientific interest is the role of regional identity in the structure of collective identities of young people in the Republic of Mordovia. The specifics of regional identity as a form of collective identification, its mobility, contextuality, heterogeneity, latency, productivity, and collective genesis are considered in detail. The priority of purposeful construction of positive regional identity as an effective tool for the preservation and development of human capital at the regional level is substantiated. The methodological framework of the study is based on the works by V. A. Tishkov, V. A. Yadov, and M. P. Krylov. The empirical basis of the study includes the data from a mass survey of student youth in the Republic of Mordovia (2020, questionnaire, quota sample, n = 414). Based on the collected empirical material, the regional component of students' collective identity is comprehensively analyzed. According to the data obtained, identification with the regional community belongs to the identities of the modal level. Only a third (32%) of the surveyed students have a positive regional identity, while the majority of young people in Mordovia identify themselves with the region only nominally. The pronounced emotional component of regional identity is mostly characteristic of the representatives of the titular (Mordovian) nationality. The authors emphasize that in this case, the merging of ethnic and regional identities does not have any conflict potential, because the majority of the respondents perceive Mordovia as a full-fledged subject of the Russian Federation. The conclusion is made about the necessity of diversifying "image projects" in order to build a positive image of the republic among young people.

Keywords: regional identity, collective identity, students, territorial community.

Citation: Shumkova N. V., Zubov O. E. 2021. "The role of regional identity in the structure of collective identities of the student youth of the Republic of Mordovia". *Siberian Socium*, vol. 5, no. 1 (15), pp. 68-80.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-68-80

Acknowledgments: The paper is funded by the RFBR in the frame-work of the "Historical memory and identity: features of formation of historical narratives in the youth environment in the ethno-national republics of the Volga Federal District" research project (No. 20-011-31319 opn).

REFERENCES

1. Abalmasova N. E., Pain E. A. 2011. "Support on the symbols in formation of the regional identity". *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 6, pp. 17-29. [In Russian]
2. Vizgalov D. V. 2011. *Breeding goroda [City branding]*. Moscow. 160 pp. [In Russian]
3. Gelman V. 2003. "Political elites and strategies of regional identity". *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 6, no. 2, pp. 91-105 [In Russian]
4. Golovneva E. V. 2013. "Regional identity as a form of collective identity and its structure". *Labirint*, no. 5, pp. 42-50. [In Russian]
5. Danilova E. 1997. "The problem of social identification of the population of Post-soviet Russia". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal [Public Opinion Monitoring]*, no. 3, pp. 12-19. [In Russian]
6. Denisiva G. S., Klimenko L. V. 2013. "Specifics of regional identification". *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 25-34. [In Russian]
7. Drobizheva L. M. 2014. "Theoretical problems of studying civil identity and social practice". In: *Narochitskaya E. A. (ed.). Russia and the World: Anatomy of Contemporary Processes: A Collection of Articles*, pp. 130-146. Moscow. [In Russian]
8. Eremina E. V. 2012. "Social identity: problems of regional identification". *Regionologiya*, vol. 79, no. 2, pp. 149-155. [In Russian]
9. Zeletdinova E. A. et al. 2020. "Regional identity in the focus of sociological analysis". *Theory and Practice of Social Development*, vol. 143, no. 1, pp. 14-22. [In Russian]
10. Kazakova G. M., Ryazanova A. Yu. 2017. "Formation of regional identity as a driver of economic development of the region and the city". *Urbanistika*, no. 3, pp. 1-10. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.22480 [In Russian]
11. Klimova S. G. 2000. "Stereotypes of everyday life in the definition of 'friends' and 'strangers'". *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 13-22. [In Russian]
12. Krylov M. P. 2010. *Regional Identity in the European Russia*. Moscow: *Novyj khronograf Publ.* 240 pp. [In Russian]
13. Kuvneva T. N., Manakov A. G. 2003. "Spatial identity formation in a close-to-border area". *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no.7, pp. 77-84. [In Russian]
14. Lubyantsev A. V. 2014. "Regional community as the object of sociological analysis". *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*, vol. 33, no. 1, pp. 60-69. [In Russian]
15. Markin V. V. 2008. "Regional sociology: problems of social identification and modeling of Russian regions". In: *Gorshkov M. K. (ed.). Russia Reforming: Yearbook. Vol. 7*, pp. 229-249. Moscow. [In Russian]
16. Miklyaeva A., Rummyantzeva P. V. 2011. "Balance of central and peripheral components in the structure of a person's social identity". *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 32, no. 5, pp. 36-45. [In Russian]
17. Nazukina M. V. 2014. "Recent tendencies of identity politics on regional level in Russia: actors, specifics, trends". *Antinomies*, no. 3, pp.137-150. [In Russian]
18. Nazukina M. V. 2009. "Regional identity in modern Russia: a typological analysis", *Cand. Sci. (Polit.) diss. abstract*. Perm. 26 pp. [In Russian]
19. Nechaev V. D. 1999. "The regional myth as a factor in the formation of the Russian federalism". *Proceedings of the All-Russian Conference "The Development of Political Science in Russian Universities"*, pp. 177-179. Samara. [In Russian]
20. Smirnyagin L. V. 2007. "About regional identity". In: *The Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries. Vol. 17. The Changing Geography of the Foreign World*, pp. 21-47. Moscow-Smolensk. [In Russian]
21. Tishkov V. A. 2003. *Requiem for Ethnos. Research in Social and Cultural Anthropology*. Moscow: *Nauka*. 544 pp. [In Russian]

22. Yadov V. A. 1994. "Social identification in the crisis society". *Sotsiologicheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 35-52. [In Russian]
23. Yadov V. A. 1993. "Social and socio-psychological mechanisms for the formation of the social identity of the individual". *Mir Rossii*, no. 3-4, pp. 167-174. [In Russian]
24. Paasi A. 1991. "Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life". *Environment and Planning A*, vol. 23, no. 2, pp. 239-256. DOI: 10.1068/a230239
25. Paasi A. 1986. "The institutionalization of regions: a theoretical framework for the understanding of the emergence of regions and the constitutions of regional identity". *Fennia*, no. 164, pp. 105-146. DOI: 10.11143/9052